

МОСКВА. МИЛЛЕНИУМ.

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕНКО

18+

Александр Сергеенко
Москва. Миллениум.

«Автор»

2026

Сергеенко А.

Москва. Миллениум. / А. Сергеенко — «Автор», 2026

Москва 90-х задыхается в рыночном угаре. Инженер «Бурана» сторожит павильон «Космос», превращенный в вещевой базар. Часовщик в мастерской на Соколе пытается замедлить бешеный бег «Ролекса» бандитского «шефа». Сквозь треск радиопомех и звон золотых шестеренок прорывается эхо уходящей эпохи. Реальность готовится к неизбежной перезагрузке.

© Сергеенко А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Миллениум.	5
Космос.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Александр Сергеенко

Москва. Миллениум.

Миллениум.

Все совпадения с реальными событиями или людьми — являются случайными.

Июль 1999 года.

Лето выдалось на редкость солнечным. В Москве вот уже вторую неделю стояла тягучая июльская жара, которая не давала городу ни единого шанса, чтобы опомниться и перевести дух. Асфальт на Патриарших стал мягким, как свечной воск, и оставлял на подошвах кроссовок липкие черные следы. Воздух превратился в густой кисель и его стало невозможно вдохнуть полной грудью. Он застревал в горле и обжигал легкие, впитывая в себя запахи бензина, перегретого метро и жареных семечек с лотка у пруда. Деревья на бульваре обмякли и опустили чуть пожелтевшие листья, словно август на этот раз наступил на месяц раньше. С восходом солнца все замирало, и даже уличные коты старались двигаться как можно меньше, предпочитая отсыпаться в тени.

Тимофей вышел из подъезда своего дома на Малой Бронной. Он зажмурился от солнца и тут же пожалел, что надел черную футболку. Его коротко стриженные кучерявые волосы немного поредели на макушке, открывая чуть наметившуюся лысину, но широкая спортивная фигура и мощные плечи все еще притягивали взгляды проходящих мимо дам. Легкая щетина только усиливала его брутальную небрежность.

Москва уже всю гудела. Со стороны Благовещенского переулочка доносился ритмичный стук отбойного молотка. В той стороне постоянно что-то перекладывали и переделывали. Где-то в соседнем дворе заводилась старая «Волга». Она чихала, кашляла и наконец взревела, выпустив клуб синеватых выхлопных газов, которые тут же растворились в горячем мареве.

В свои двадцать семь Тимофей был одним из самых востребованных клипмейкеров Москвы. Он снимал ролики для поп-звезд с нарощенными волосами, рэперов в широчайших штанах и до ужаса одинаковых девичьих групп. Он точно знал рецепт идеального кадра, состоявший в густом дыме сквозь софиты, мощном свете под сорок пять градусов, томном взгляде «звезды» в объектив и замедленной съемке на крупном плане. С таким визуальным соусом зритель охотно верил в любую любовь и драму. Тим давно заметил, что без съемок, конвертов с долларами и звонков «нужных людей» он теряет связь с реальностью и испытывает тревогу.

— Тимон, бросай курить! — донеслось откуда-то сзади.

Он обернулся. Блондинка на «Мерседесе» цвета мокрого асфальта высунулась из окна чуть ли не по пояс и махала ему рукой. Ее солнечные очки с зеркальными стеклами сверкали на солнце, на шее виднелась массивная золотая цепочка. Она улыбалась так, будто накануне они вместе пили текилу. А может, так и было на самом деле. Тимофей улыбнулся, помахал ей в ответ и свернул в сторону Патриарших, чтобы купить стаканчик холодного кваса.

Спустя пару минут он открыл дверь своего черного «Шевроле Блейзер», который он выгодно прикупил год назад у знакомого бизнесмена. Машина уже успела изрядно накалиться на утреннем солнце. Тимофей захлопнул дверь и жадно отхлебнул квас из пластикового стаканчика. Напиток оказался разбавленным и сильно отдавал дрожжами, но другого способа утолить жажду пока не предвиделось. Было невыносимо душно. Он запустил двигатель и нажал кнопку включения кондиционера. Раздался тихий гул и из вентиляции потянуло желанным холодком. Тимофей прикрыл глаза и вальяжно откинулся в огромном сиденье внедорожника.

Монтажная студия размещалась на Пресне в одном из бывших корпусов НИИ «Янтарь». Когда-то здесь считали траектории для баллистических ракет, а теперь дорогие монтажные аппараты линейки Avid и Sony громоздились на столах из серого пластика и помогали Тимофею зарабатывать внушительные суммы в наличных долларах. Здание насквозь пропахло хлоркой, старыми тряпками и дешевым освежителем, которым уборщица обильно поливала коридоры раз в неделю.

Тимофей любил эту монтажную. Здесь было тихо, прохладно и почти всегда малоллюдно. Оконный кондиционер задумчиво гудел, успокаивая нервы, а толстые стены не пропускали ни шум улицы, ни отголоски внутренних разговоров.

Продюсер клипа, «авторитет» по кличке Рафик, дал Тимофею карт-бланш. Он сказал только: «Сделай так, чтоб моя Ленка была как Мадонна, только лучше. Вот чтобы мужики смотрели и сразу хотели. Понял?». Тимофей сразу понял.

Ленка оказалась высокой брюнеткой с нарощенными ресницами и голосом, который даже после тонны компрессии звучал плоско, как фанера. Правда фигура у нее была что надо, а взгляд — тяжелый и с хитрым прищуром, будто она непрерывно оценивала размер твоего кошелька. Такой типаж «поп-дивы» Тимофей умел подавать лучше всего.

Клип снимали четыре дня. Сначала на Патриарших, потом в стеклянной студии на Шаболовке и ночном клубе «Пилот». Финальные сцены отсняли в зеркальной комнате особняка Рафика на Рублевке. Свет поставили классический, Рембрандтовский, с теплой подсветкой волос и холодным фоном. Дым-машина почти всегда работала на полную. Ленка в латексном платье ходила по краю бассейна и смотрела в камеру, томно поправляя волосы. Сценарий клипа не отличался ни новизной, ни изяществом, но именно такое публика «хавала» с наибольшим удовольствием. Тимон понимал, что все эти клипы никому по-настоящему не нужны. Их смотрят, забывают и тут же заменяют новыми, точно такими же. И если завтра сам Тимофей исчезнет и клипы начнут снимать другие люди, то, вряд ли кто-то заметит разницу.

На втором часу монтажа он почувствовал что-то неладное. Тим перегонял отснятый материал с BetaCam через старый контроллер Sony. Это была сцена, в которой Ленка идет по Патриаршим, держа в руке черный зонтик, а за ее спиной поблескивает витрина «Продуктов» с банками «Спрайта». Сцена отличалась резкими контрастными тенями, придававшими Ленке едва уловимые орлиные черты.

На пленке, в отражении стекла витрины, виднелась серая муть. Тимофей сначала решил, что это брак обработки из-за старой кассеты и выпадения магнитного слоя. Он перемотал чуть назад и прогнал запись снова. Муть осталась на месте, мало того, она двигалась.

Он приблизил кадр и поставил на паузу.

— Вот черт, — пробормотал он, растирая переносицу. — Сам бы никогда не полез в этот материал, если бы Славка не слег с ангиной.

Муть медленно превратилась в фигуру. Серую, плоскую, словно вырезанную ножницами из газеты. Человек или то, что походило на человека, стоял за стеклом витрины, но лицо его было размыто, как на фотографии с выдержкой в секунду. Нет, даже хуже. Оно было недостоверным. Как трехмерная модель, на которую забыли добавить текстуры и настроить освещение.

— Что за хрень? — прошептал Тимофей.

Внутри что-то неприятно сжалось, а по спине, несмотря на жару в монтажной, пробежал липкий холодок. Он протер монитор, но это не помогло. Полез в настройки платформы, но никаких артефактов записи не обнаружилось — головки оказались чистыми, сигнал стабильным. Тогда он начал прокручивать сцену в замедленном режиме, кадр за кадром. На пятом круге фигура снова дернулась.

Это не был глитч или помеха. Серая тень повернула голову и посмотрела прямо в объектив через стекло витрины. У Тимофея похолодели пальцы.

Он вытащил из кармана джинсов свою «Nokia» и набрал номер ассистента. Славка, охрипший и заспанный, ответил только на пятый гудок.

— Слушай, — сказал Тимон, глядя на застывшее на экране серое пятно. — На кассетах какая-то муть. Полосы, артефакты. Дефект записи или головки чистить пора?

— А ты разве не отдал материал на оцифровку дяде Коле? — просипел Славка.

— Нет, сам решил сделать, потому что ты, блин, болеешь. — Тимофей раздраженно щелкнул зажигалкой. — Так что думаешь?

— Не знаю, Тим. — Славка закашлялся. — У дяди Коли оборудование новое, я бы туда отогнал на всякий случай. А сам не мучайся.

— Спасибо, утешил, — сказал Тимофей и сбросил звонок.

Он отмотал съемки на начало дня. Ленка на Патриарших и ее проход мимо клумбы. В стекле проезжающей мимо «Волги» он снова заметил серую фигуру. Она стояла на тротуаре и не двигалась, по-прежнему глядя в самый центр объектива.

Тимофей проверил другие сцены. В клубе «Пилот», в зеркальной стене за спиной Ленки, среди танцующих людей застыла плоская тень. В комнате на Рублевке, среди десятков отражений певички, в одном из самых дальних зеркал, там, где по сценарию вообще никого не было — снова угадывался серый силуэт. Тимофей потер глаза и выключил монитор. Тот издал щелчок, затем кинескопное потрескивание, после чего воздух наполнился запахом озона.

В монтажной стало тише. Был слышен только гул блоков питания и далекий звук чьих-то шагов в коридоре.

— Есть кто? — крикнул Тимофей в сторону чуть приоткрытой двери.

Шаги стихли. Он выглянул в коридор, но никого не увидел. Запах хлорки ударил в нос сильнее обычного и ему на секунду показалось, что стены стали ближе, а лампы дневного света загудели на другой ноте, почти угрожающе.

Тимофей вернулся к столу, достал пачку «Парламента» и закурил прямо в монтажной, наплевав на датчики дыма. Его руки едва уловимо дрожали.

Он пересмотрел все отснятые сцены подряд. С каждым новым просмотром серых теней становилось все больше. В начале съемочного дня их было две или три. В конце — уже десятки. Они толпились в отражениях витрин, в полированных боках машин, в черных стеклах офисных зданий. Они смотрели и не двигались, будто чего-то ждали. Одна из них, которую он рассмотрел в зеркальной комнате, имела знакомые очертания: широкие плечи и короткие волосы. Тимофей приблизил лицо. Серая текстура на миг стала четче и он увидел себя. Плоский, недостроенный, словно вырезанный из другой реальности. Его рот был приоткрыт, будто он хотел что-то сказать, но пленка не сохранила звуков.

К горлу подступила тошнота, а ладони стали влажными и противно липкими. Тимофей медленно отодвинулся от монитора. В коридоре снова раздалась шаги, но на этот раз они приблизились и остановились прямо за дверью.

— Тимофей, — сказал плоский тихий голос.

Тимофей не обернулся. Он смотрел на застывший кадр, где серая тень с его лицом стояла среди зеркал и чего-то ждала. Дверь в монтажную медленно приоткрылась.

На пороге стоял курьер — пацан лет семнадцати в кепке «Adidas» и с фирменным желтым пакетом «Dimex» в руках.

— Тебе тут из «Видеофильма» расходники привезли, — сказал он, косясь на дым, который шлейфом тянулся из монтажной. — Ты это, дверь-то прикрой, а то пожарники сработают.

Тимофей взял пакет, расписался в накладной и молча захлопнул дверь перед самым носом курьера.

Он закрыл монтажную почти в час ночи. Захлопнул дверь, которая всегда сильно скрипела петлями и спустился по лестнице мимо центральной проходной. В коридорах бывшего НИИ было прохладно, хотя на улице все еще было за двадцать пять.

Он сел в «Блейзер» и закурил. Кондиционер гонял теплый воздух первые минуты три. Тимофей смотрел на здание: облезлый серый корпус, окна в три кирпича, табличка «НИИ „Янтарь“» с отвалившейся буквой «Я». Москва гордо стояла на пороге миллениума.

На следующий день он снова вернулся к материалу. Пересматривал сцены с Патриарших, где Ленка идет по бульвару. Серая муть в отражениях оставалась на месте.

Еще через день он купил квас на том же прилавке — другого ларька поблизости не было. Протянул пятерку продавщице и взял стакан. Напиток снова оказался до неприличия разбавленным. Он уже собрался уходить, но задел плечом стойку с жвачками. Она качнулась и Тимофей машинально придержал ее рукой. На секунду, может, на долю секунды, пластик под его ладонью стал слишком гладким. Как поверхность, у которой нет ни царапин, ни текстуры, ни цвета. Он убрал руку и посмотрел на ладонь. Прилавок снова был синим с белыми разводами и одинокой наклейкой «Турбо-жвачка».

— Ты чего, парень? — спросила продавщица.

— Да так, — сказал Тимофей. — Жарковато.

Он отошел и выбросил наполовину полный стаканчик в урну. Потом запрыгнул в машину и минуты три просто сидел, глядя на улицу через лобовое стекло.

Прошла неделя. Тимофей монтировал клип, переставлял сцены и корректировал свет. Ленка на экране томно поправляла волосы, а серые тени в отражениях все еще оставались на своих местах. Он почти привык к ним. Как привыкаешь к пятну на мониторе — вроде и мешаешь, но со временем уже не замечаешь.

В середине недели Тимофей отправился на Патриаршие, чтобы поднять недостающие переходы для клипа. Он припарковался на Малой Бронной и не спеша прошелся по бульвару. Те же скамейки и деревья, та же витрина «Продуктов» с банками «Спрайта». Он остановился возле нее и посмотрел на свое отражение, не заметив ничего необычного.

Следующие три дня он работал допоздна. В монтажной было тихо, гудели только вентиляторы блоков питания. Он монтировал склейку в сцене с клубом «Пилот», где Ленка танцует, а вокруг нее мельтешат разноцветные огни. На заднем плане, в отражении зеркальной стены, снова мелькнуло лицо.

Тимофей поставил на паузу. Отмотал пару кадров назад. Лицо принадлежало парню в кепке, судя по всему, обычный посетитель клуба, из массовки. Но Тимофей помнил, что в день съемок массовка стояла слева от камеры, а справа сцена оставалась совершенно пустой, таков был его замысел. Он лично строил этот кадр. Он пересмотрел сцену целиком. Парень в кепке появился в кадре на три секунды, прошел из левой части в правую и растворился в воздухе.

Он достал сигарету, закурил и вышел в коридор. Пройдясь до его конца, он заглянул в туалет. Ржавые трубы, запах хлорки, на стене надпись — «Здесь был Vovan-98».

Он вернулся в монтажную и присел за рабочий стол. На экране застыла с открытым ртом Ленка. Тимофей потянулся к мышке, чтобы отключить компьютер, но пальцы на секунду прошли сквозь нее. Мышка осталась на месте, а его пальцы оказались под ней, на столе. Он громко икнул и замер. Затем осторожно потрогал мышку, приподнял ее и положил обратно на стол. Тимон несколько раз моргнул, надеясь, что это ему показалось, но паника уже поднималась из груди к горлу, перекрывая дыхание. Он спешно собрал кассеты, сунул их в рюкзак и вышел из монтажной.

На улице было темно и жарко. Фонари горели через один. «Блейзер» одиноко стоял на небольшой парковке у самого входа в НИИ. Тимофей повернул ключ и мощный двигатель завелся с полоборота, довольно заурчав.

Проехав несколько кварталов он остановился на светофоре на Тверской. В соседней машине сидел мужчина в белой рубашке и смотрел прямо перед собой. Тимофей взглянул на него. Тот не моргал и сидел с открытыми глазами, пристально глядя в лобовое стекло, словно

манекен. Светофор переключился на зеленый и Тимофей нажал на газ. «Волга» с немигающим водителем осталась позади.

Он проехал еще один квартал и вдруг поймал себя на мысли, что не понимает, куда едет. Руки уверенно лежали на руле, машина быстро двигалась в потоке, но в голове не было ни единой мысли. Он на секунду сбросил скорость и огляделся по сторонам, словно надеясь, что улицы подскажут ему маршрут.

На следующее утро он проснулся от того, что за окном кто-то истошно вопил. На Малой Бронной мужик в трениках ругался с бомжами, замахиваясь на них лопатой. Когда Тимофей вышел на кухню, то заметил на подоконнике дохлую муху. Он хотел смахнуть ее на пол, но палец прошел сквозь нее. Она оказалась плоской, будто нарисованной, серой и лишенной деталей. Он попытался сдуть ее, но она не упала на пол, а исчезла, рассыпавшись в воздухе. Тимон отшатнулся, вжавшись спиной в холодильник, и просидел так с минуту, не в силах отвести взгляд от пустого подоконника.

Он выпил стакан холодной воды, оделся и решил прогуляться до монтажной пешком. Сначала он шел по Малой Бронной, затем свернул на Патриаршие. Стояло жаркое воскресное утро и людей на улице почти не было.

Тимофей шел по Патриаршим и в какой-то момент заметил, что город вокруг него начинает понемногу расплываться. Объекты, на которые он не смотрел прямо, теряли свои детали и сильно упрощались. Он остановился посреди бульвара, повернулся спиной к «Продуктам» и сделал вид, что рассматривает клен на противоположной стороне улицы, а потом резко обернулся. Здание за его спиной превратилось в серую коробку без окон.

На фасаде не было видно ни кирпичиков, ни трещин, ни унылых блоков кондиционеров. Взгляду предстала только безликая поверхность, словно кто-то в фотошопе замазал фасад инструментом «Заливка» и поленился добавить текстуру. Он попытался сфокусировать взгляд на поверхности здания и детали постепенно начали возвращаться. Сначала проступила дверь в магазин, потом детализированные окна и вывеска. Кирпичики проявлялись с едва слышным электрическим треском. Кондиционер на третьем этаже возник будто из воздуха, сопровождая свое появление тихим жужжанием.

— Твою мать, — выдохнул Тимофей.

Он перевел взгляд на витрину «Продуктов». Там, где секунду назад красовалась наклейка с красной «Coca-Cola», сейчас был белый прямоугольник без единой буквы. Тимофей уставился на него, не моргая. Прямоугольник дернулся, и сквозь помехи проступила знакомая красная волна. На долю секунды рекламный щит в десяти метрах от магазина, с изображенным на нем нахальным мужиком в пиджаке, превратился в точно такой же белый лист. А потом снова стал нормальной картинкой.

— Эй, парень, кваску? — окликнула его продавщица. Голос ее прозвучал так, будто аудиокассету слегка зажевало.

— Да отвалите вы со своими разбавленными помоями! — рявкнул Тимофей.

Он глядел на ее лицо. Пока он смотрел прямо — оно было вполне обычным, но стоило чуть повернуть голову, оставив продавщицу на периферии зрения, как ему тут же казалось, что у нее нет носа — только гладкое пятно там, где должна быть переносица.

Он резко повернул голову и снова посмотрел прямо на женщину. Ее нос снова был на месте, стали заметны веснушки и даже небольшая родинка над губой.

— Жарко, — сказал он и пошел прочь.

Тимофей свернул в Благовещенский переулок. «Волга», которая пыталась завестись в соседнем дворе, чихнула один раз, потом замолчала секунды на три, и вдруг резко издала привычный кашель и рев. Из открытого окна квартиры на третьем этаже играла музыка — «Кар-Мэн» пел «Чао, бамбино», но звуки трека выпадали целыми тактами, будто проигрыватель срезал дорожки.

Спустя пару минут он дошел до своего «Блейзера». Он забрался в салон, захлопнул дверь, но не стал заводить двигатель. Тим просто сидел и смотрел на Патриаршие через лобовое стекло.

Чуть придя в себя он достал пачку «Парламента» и прикурил от зажигалки «Zippo». Дым от сигареты, когда он его выдохнул, не рассеялся сразу, а повис в воздухе ровными квадратными кубиками. Каждую секунду кубиков становилось все больше пока в итоге они не превратились в обычный сигаретный дым.

— Ладно, — сказал Тимофей сам себе. — Разберемся.

Он запустил двигатель, нажал на педаль и его внедорожник с ревом устремился вперед.

Тимофей провел в монтажной еще несколько часов, механически склеивая проходы Ленки по зеркальному залу. Его пальцы двигались по контроллеру Sony с профессиональной точностью, но мысли были где-то далеко. Экран то и дело «полосил» и серые тени в углах кадра теперь казались ему более реальными, чем сама певица в латексе. В душном воздухе студии, перемешанном с запахом перегретого пластика и табака, отчетливо ощущался неизбежный финал чего-то важного.

Около трех часов дня, когда солнце за окном НИИ «Янтарь» превратило Москву в раскаленную асфальтовую сковородку, Тимофей решил прогуляться и перекусить. Коридор встретил его привычной прохладой и все тем же запахом хлорки.

На углу улицы он остановился у газетного киоска, зажатого между двумя пивными ларьками. Стекло витрина была заклеена пестрыми обложками: «Коммерсантъ», «Аргументы и факты», свежий «МК». Заголовки кричали: «Ельцин ищет выход из ситуации», «Олигархи делают ставку», «Проблема 2000: Миф или реальность?».

Рядом двое мужчин в мятых рубашках пили из банок теплую «Балтику-9».

— Говорят, осенью опять все обвалится, — хрипло произнес один, вытирая пот со лба. — Дефолта мало им было.

— Да хрен с ними, — отозвался второй, лениво глядя на проезжающий мимо черный «Бумер». — Жара эта кончится когда-нибудь? Дышать же нечем. Дожить бы до зимы, там хоть миллениум этот встретим, может, полегчает.

Тимофей смотрел на мужиков и видел, как края их фигур едва заметно дрожат в горячем воздухе, поднимавшимся от поверхности асфальта. Его осенило: ларьки с турецким шоколадом, рекламные щиты «Marlboro» с ковбоями, стихийные рынки у метро, где торгуют поддельными «Reebok» прямо с газет — все это больше походило на нелепые декорации сумасшедшей театральной постановки. Ему вдруг показалось, что город вокруг него будто размагничивается и теряет свою плотность.

Он зашел в небольшую пельменную по соседству, где над входом висел колокольчик, издававший неприятный звон. Внутри работал маленький телевизор «Samsung», подвешенный к стене на кронштейне. По новостям передавали очередной репортаж из Думы. Голос диктора периодически срывался в металлический скрежет помех.

— Вам как обычно? — спросила официантка в засаленном переднике.

— Просто кофе. И стакан воды, — ответил Тимофей.

Он заметил, как за ее спиной плакат с рекламой сигарет «L&M» на мгновение стал абсолютно серым, лишившись картинки.

— Смена эпох, — пробормотал он, переводя взгляд на экран.

— Да уж, — вздохнула официантка, ставя перед ним чашки.

Тимофей кивнул.

Он долго гулял по Москве, рассматривая здания, людей и проезжающие автомобили. Когда он подошел к Патриаршим, небо уже наливалось густым оранжевым цветом. Закат был похож на финальные титры из старого кино. Он казался слишком красивым, чтобы быть настоящим. Раздался знакомый нахальный гудок. Со стороны Ермолаевского выкатился «глаза-

стый» Мерседес W210 цвета «мокрый асфальт». Блондинка за рулем притормозила у края тротуара. В ее огромных зеркальных очках отражалось закатное солнце.

— Тимон! — крикнула она, сверкнув золотой цепью на шее. — Чего такой хмурый? Поехали к Рафику на дачу, там сегодня все наши! Последнее лето века, дурачок, зажигай, пока можешь!

Она звонко смеялась, но Тимофей уже не смотрел на нее. За ее спиной, над крышами старых домов Малой Бронной, небо на мгновение разорвалось. На долю секунды вместо оранжевых облаков проступила плоская серая муть с его видеокассеты, словно обнажившая изнанку декораций. «Мерседес» на секунду стал прозрачным, и сквозь него Тимофей увидел облезлую стену дома.

— Нет, — тихо сказал он, зная, что она не услышит. — Я останусь здесь.

Блондинка пожала плечами, вжала газ в пол, и машина сорвалась с места, оставив в воздухе запах жженой резины.

Тимофей медленно прошел к своей любимой скамейке у самой воды. Он достал пачку «Парламента», выудил из нее последнюю сигарету и щелкнул «Zippo». Огонек вспыхнул ярко и дым на мгновение застыл в воздухе мелкими пикселями, прежде чем превратиться в серое облачко.

Жара начала понемногу отпускать. Вокруг шумели Патриаршие: кто-то громко смеялся в глубине бульвара, с характерным щелчком открывались жестяные банки пива, шины редких машин шуршали по мягкому асфальту. Звуки постепенно сливались в единый монотонный гул, как белый шум в конце видеокассеты, когда запись обрывается, и на экране остается только «снег». Тим машинально скользнул взглядом по темной глади воды и чуть наклонился вперед, пытаясь разглядеть свое отражение. Вода отражала небо, деревья и редкие огни фонарей, но его самого не было видно. Он замер, затаив дыхание. Затем медленно выпрямился и отвел взгляд в сторону, будто ничего не заметив.

Он закрыл глаза и подставил лицо последним лучам уходящей эпохи. Он чувствовал, как его мысли становятся менее резкими, теряя контрастность. Его жизнь, со всеми ее долларами в конвертах, клипами для Ленки и черным «Шевроле», плавно становилась частью истории.

Тимофей сделал глубокий вдох. Воздух пах остывающим камнем и близким дождем.

Космос.

Ноябрь 1994 года.

Москва погрузилась в промозглую ноябрьскую серость, которая вытравила из городского пейзажа все остальные цвета. Свинцовое небо тяжело нависло над столицей, то и дело осыпая ее снежной крупой, которая тут же таяла, превращаясь скользкую грязную кашу. Пронизывающий ветер гулял по широким аллеям ВДНХ, безжалостно срывая последние желтые листья с деревьев и швыряя их в лица редким прохожим. Парадный фасад великой страны теперь напоминал хаотичный пандемониум, перепрофилированный под нужды современного рынка.

Виктор плотнее запахнул потертый камуфляжный бушлат, оставшийся еще со времен работы в «ящике», и поднял воротник повыше. Он стоял у входа в павильон №32, более известный как «Космос», и отрешенно наблюдал за суетой. Ноябрьский холод пробирал до костей, и даже грубый шерстяной свитер под бушлатом не спасал.

Монументальная арка главного входа теперь была почти полностью скрыта за аляповатыми вывесками, наспех сбитыми из фанеры. Ларьки и палатки жались друг к другу, как паршивые овцы, предлагая покупателям все подряд: от пахнущих химией турецких кожаных курток, до ярких упаковок импортного шампуня «Vidal Sassoon» и жестяных банок с кофе «Pele». Прямо у подножия ракеты-носителя «Восток» дымилась самодельная жаровня. Запахи палевого жира и маринада вступали в союз с едва уловимым ароматом машинного масла.

Виктор тяжело вздохнул, выпустив клуб густого пара.

Еще пять лет назад он был выпускником МВТУ имени Баумана, инженером-конструктором первой категории, работал в закрытом КБ и рассчитывал тепловые нагрузки для носового обтекателя «Бурана». Он твердо верил в цифры, сопромат и триумф человеческого гения, прорывающегося сквозь тернии к звездам. Теперь его КБ почти закрыли, финансирование урезали до нуля, а уникальные станки и приборы вывезли в неизвестном направлении. В свои сорок два Виктор оказался никому не нужен.

Сюда его пристроил местный завхоз и мастер на все руки — дядя Коля, который был старым знакомым его бывшего начальника. Так инженер-конструктор начал подрабатывать охранником в ночную смену.

— Посидишь, Витя, — говорил дядя Коля, подмигивая красным глазом. — Работа не пыльная. Коробки с «Грюндиками» постережешь под куполом. Платят наличными долларами раз в неделю. А «Буран» твой... Он подождет. Куда он денется.

Виктор зябко поежился, развернулся и вошел внутрь павильона.

Огромный стеклянный купол теперь был затянут пылью, отчего внутри царил вечный полумрак. Среди макетов спутников, луноходов и космических станций развернулся гигантский вещевой базар. Все пространство было плотно заставлено торговыми местами, отгороженными друг от друга полиэтиленом и металлическими решетками. В воздухе царил смесь из запахов сырой шерсти, дешевого парфюма и неистребимого аромата разогретых в микроволновке хот-догов — нового символа московского общепита.

Виктор медленно пошел вдоль центрального прохода. Его шаги гулко отдавались под сводами, но этот звук моментально тонул в нагромождениях картонных коробок. На них пестрели логотипы: «Funai», «GoldStar», «Samsung». Коробки с бытовой техникой, уложенные штабелями прямо на бетонный пол, казались огромным инопланетным телом, захватившим всю территорию.

Виктор поднял голову. В полумраке под куполом все еще висели макеты первых спутников и космических станций. Теперь они смотрелись, как забытые декорации к давно закрытому спектаклю о лучшей жизни. На одном из них кто-то из торговцев даже умудрился закрепить вешалку с ярко-зеленой турецкой курткой.

Виктор дошел до своей «базы» — небольшого столика под лестницей, ведущей наверх. Дядя Коля, заходивший накануне проверить, как устроился «инженер», оставил ему обогреватель-рефлектор и притащил откуда-то выдавший виды транзисторный приемник «Океан-214».

— Держи, Витек, — сказал Дядя Коля, ставя приемник на стол. — Аппарат зверь. Я его подшаманил слегка. В ночи скучно будет — песню какую-нибудь поймаешь. Он все берет.

Виктор включил рефлектор. Тот начал издавать тихое гудение и по ногам потянуло теплом. Он сел на скрипучий топчан, достал из рюкзака термос с крепким чаем и пачку «Космоса». Вкус сигарет давно испортился и курил он их скорее по привычке.

Компрессоры импортных холодильников иногда включались где-то в глубине павильона с характерным звуком, чуть нарушая тишину. Он щелкнул зажигалкой, затянулся и посмотрел на приемник. «Океан» тускло светил шкалой настройки. Виктор протянул руку и крутанул ручку диапазона КВ. Эфир был забит треском и обрывками чужих языков, пробивающихся сквозь помехи. Виктор прикрыл глаза, погружаясь в привычную ностальгию.

— Да, Николаич, — пробормотал он сам себе. — Вот тебе и космос. Запах жженных хот-догов и коробки с телевизорами.

Он снова затянулся и хотел выключить радио, но вдруг замер. Сквозь белый шум и статический треск в динамике «Океана» пробился звук. Это был ритмичный, пульсирующий сигнал.

Бип... Бип... Бип...

Звук был чистым, без единой помехи, словно передатчик находился совсем рядом. Виктор, чей слух был натренирован годами работы с телеметрией, моментально узнал этот ритм. Это был позывной Первого Искусственного Спутника Земли.

У Виктора похолодели пальцы и сигарета едва не выпала из руки. Спутник-1 перестал передавать сигналы тридцать семь лет назад, сгорев в плотных слоях атмосферы.

Он поставил жестяную кружку с недопитым чаем на облупившуюся поверхность стола. Его руки заметно дрожали. Он полез под стол и вытянул тяжелый, заляпанный каплями масляной краской осциллограф. Дядя Коля приволок его пару дней назад, буркнув что-то про «проверку фаз в щитовой», но Виктор знал, что этот прибор видел вещи посерьезнее короткого замыкания.

Он щелкнул тумблером питания. Экран прибора медленно ожил, наливаясь тусклым ядовито-зеленым свечением. Виктор огляделся по сторонам. Его взгляд зацепился за толстый коаксиальный кабель, который змеился по стене и уходил куда-то ввысь, к самому куполу и старым антенным фидерам. Он осторожно подсоединил щуп к оголенному контакту распределительной коробки с надписью «СВЯЗЬ».

Экран осциллографа взорвался хаосом. Зеленая линия бешено заплясала, выписывая фигуры Лиссажу, которые тут же рассыпались в мелкую дрожь. Виктор подкрутил ручку развертки. Пульсирующий сигнал «Спутника» теперь шел фоном, как метроном, но поверх него накладывался чудовищный информационный массив.

Из динамика «Океана», который теперь был связан с осциллографом невидимым индукционным полем, посыпались звуки. Они были отрывочными и скомпрессированными, словно их пытались пропихнуть через слишком узкое горлышко бутылки.

— ...крутите барабан! — прорезался сквозь треск бодрый, неестественно звонкий голос Якубовича. — Сектор «Приз» на барабане!

Виктор вздрогнул. «Поле чудес» выходило по пятницам, а сегодня был вторник. Звук был настолько четким, будто телевизор стоял у него за спиной.

— ...покупайте акции «МММ»! Завтра будет дороже, чем вчера! — пропел женский голос, переходя в металлический скрежет.

Синусоида на экране осциллографа вдруг стала плоской, превращаясь в прямоугольные ступеньки цифрового кода. Здание павильона «Космос» с его огромным металлическим каркасом и куполом превратилось в колоссальную параболическую антенну. Виктор снова приник к видеоискателю прибора. В какой-то момент развертка синхронизировалась, и на мгновение вместо графиков Виктор увидел... изображение. Это была панорама Москвы, но не той, что лежала за стенами павильона. Город был заставлен лесом сверкающих стеклянных башен, залитых агрессивным неоновым светом. По улицам неслись тысячи машин, лишенных привычных острых форм, а над домами висели огромные светящиеся полотна, транслирующие бесконечный товарный ряд.

— ...чистота — чисто тайд! — прорычал динамик, и в ту же секунду в павильоне мигнул свет.

Внезапно сигнал стал громче. Тысячи голосов одновременно выкрикивали: «Почем пуховик?», «Сдачи не надо!», «Доллар по пять!», «Берем оптом!».

Станция «Мир», последнее достижение прошлой страны, висела в черной пустоте и работала гигантским зеркалом, от которого рикошетил шум московских рынков. Виктор почувствовал, как к горлу подступает тошнота. Он крутанул ручку осциллографа до упора вправо, пытаясь «сбросить» наваждение.

— Хватит... — прошептал он. — Прекрати.

За его спиной раздалось едва слышное шуршание ботинок по бетонному полу. Виктор не обернулся. Он смотрел, как на экране осциллографа зеленая линия медленно превращается в идеально ровный прямоугольник.

— Витя, ты чего приборы мучаешь? — раздался тихий голос дяди Коли.

Виктор медленно повернул голову, дядя Коля стоял в тени под лестницей. Его лицо в свете зеленого экрана осциллографа сейчас казалось Виктору невероятно гладким. На щеках завхоза не было видно ни одной морщинки или прыщика.

— Виталич... — голос Виктора сорвался. — Она... она ловит что-то странное.

Дядя Коля подошел ближе и посмотрел на экран прибора, где странная серая муть поглощала остатки синусоиды.

— Это не помехи, Витя, — сказал он, и в его глазах на мгновение отразилась пустота. — Это обновление. Система перезагружается.

Виктор посмотрел на свои руки. В тусклом свете они казались ему полупрозрачными. Сквозь ладонь он отчетливо видел шкалу осциллографа.

— А мы? — спросил он.

Дядя Коля пожал плечами. Его движение оставило в воздухе едва заметный шлейф.

— Мы просто потихоньку растворимся в этом белом шуме. Где-то между рекламой и прогнозом погоды.

За окнами павильона раздался резкий звук — у шашлычника в жаровне лопнул перегретый камень. Виктор вздрогнул. Когда он снова посмотрел на осциллограф, экран уже был пуст. Тусклая зеленая точка в центре медленно погасла.

Дядя Коля тяжело вздохнул, присел на топчан рядом с осциллографом и попытался покрутить ручку развертки. Под лестницей было тихо, пахло старой пылью и хот-догами. Виктор взял пачку «Космоса», вытряхнул последнюю сигарету и попытался ее зажечь. Зажигалка дала искру, но огонек не загорелся. Вместо него в воздухе на секунду повисла маленькая серая искра, которая тут же исчезла.

Виктор вышел на улицу под низкое небо и замер, поймав взглядом яркую точку, уверенно скользящую между туч. Над хаосом рыночных ларьков и грязью ВДНХ бесшумно плыла станция

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.